

4

Базаров и Рязанов: романтический архетип в русской литературе

В эссе «Еще раз Базаров» (1862 г.) Александр Герцен пишет: Странная вещь – это взаимодействие людей на книгу и книги на людей. Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает более наглядным и резким, и вслед за тем бывает обойдена реальностью¹.

Считается, что взаимовлияние людей и книг в России всегда было очень интенсивным, особенно в сфере общественно-политического дискурса, и, следовательно, есть немалая доля истины в наблюдении Герцена, что в таких условиях «оригиналы делают шаржу своих резко оттененных портретов, и действительные лица вживаются в свои литературные тени». Так или иначе, но согласно утверждению многих критиков и политических активистов, молодые русские после 1862 года «почти все были из “Что делать?” с прибавлением нескольких базаровских черт»². Например, Дмитрий Писарев в статье, озаглавленной «Посмотрим» (1865 г.), писал: «Базаровский тип растет постоянно, не по дням, а по часам, и в жизни, и в литературе»³. Как замечал Герцен, писаревский Базаров в большей степени отражал представления о русской интеллигенции самого критика, чем автора «Отцов и детей»: «Верно ли понял Писарев Тургеневского Базарова, до того мне дела нет. Важно то, что он в Базарове узнал себя и своих и добавил, чего не доставало в книге» (335).

Многочисленные поклонники—последователи романа дополняли образ Базарова деталями, отсутствовавшими в оригинале, дабы сделать его представителем радикальных тенденций 1860-х годов. Несмотря на эти усилия, образ Базарова в значительно большей степени определяется литературным архетипом, вышедшим из европейского романтизма и четко вырисованным в ряде ранних сочинений Тургенева. Аргументацию в пользу подобного происхождения данного образа можно найти в произведениях Тургенева, но особенно ярко это проявляется при сравнении «Отцов и детей» (1862 г.) с другим романом, написанным в тот же период, в центре которого похожий (не менее радикальный) герой. Автор этого романа, Василий Слепцов, был хорошо известен в шестидесятые годы XIX века своим участием в ряде радикальных начинаний (о чем, в частности, свидетельствует слава созданной им коммуны в Петербурге) и, по-видимому, обладал более непосредственным знанием того, что представляла собой среда российских радикалов того времени, чем Тургенев⁴. Более того, Слепцов, который начал свою писательскую карьеру в начале шестидесятых, не проходил того романтического обучения писательскому ремеслу, которое вошло столь глубокое влияние на более поздние труды Тургенева. Таким образом, повесть Слепцова «Трудное время» (опубликованная в «Современнике» в 1864 г.) представляет русского радикала с несколько иной точки зрения, нежели сочинение Тургенева.

Не удивительно, что близость «Отцов и детей» и «Трудного времени» была отмечена в первый раз Писаревым в статье «Подрастающая гуманность» (1865 г.), где он охарактеризовал героя романа Слепцова, Рязанова, как «одного из блестящих представителей моего излюбленного базаровского типа» (IV: 53). Хотя точность данного сравнения и может вызывать сомнения, сходство двух героев служит достаточным основанием для него. И Базаров, и Рязанов – разночинцы (последний – сын священника), недовольные интеллектуалы, готовые к разрушению, дабы позволить другим заняться созиданием, хотя ни тот ни другой не уверены в том, какую форму может принять процесс разрушения и кто именно примется за строительство нового. Оба героя представляют новый, поднимающийся класс и новые воинственные настроения в образованных слоях общества. Оба – продукты городской интеллектуальной среды, несмотря на то, что своим происхождением они свя-

заны с провинциальной жизнью в средней полосе России. Оба оказываются чужаками в сельском захолустье, в котором хватает и собственных проблем, связанных с социальной реформой. В этом аспекте два произведения совпадают даже в деталях: герои-помещики в обоих романах – Николай Кирсанов и Щетинин – пытаются усовершенствовать сельскохозяйственное производство и реформировать взаимоотношения с крестьянами, хотя подобные усилия и вызывают подозрительность соседей-помещиков и равнодушные самих крестьян (эта реакция хорошо знакома кающимся помещикам Толстого). Работники обманывают своих хозяев, но те в ответ лишь недоумеваются по поводу предрассудков, безграмотности и неприятия реформ с их стороны. В обоих романах, особенно в «Трудном времени», часто встречаются описания деревенской бедности, а все попытки внедрения рациональной системы сельскохозяйственного производства неизменно проваливаются. (В обоих произведениях речь идет о дорогостоящей молотилке, которая оказывается непригодной к местным условиям.) Появляются одинаковые физические параметры среды обитания, например разваливающиеся церкви, крестьянские избы, сгрудившиеся возле барского дома, окруженного теми же акациями и прочей растительностью.

Оказавшись в подобном окружении, оба героя попадают в ситуацию, в которой их городской радикализм противопоставляется некой разновидности дворянского либерализма. Как и можно было ожидать, для развития интриги, происходящей из идеологического антагонизма, каждый из авторов полагается в немалой степени на диалог, однако тут в функциях этих противостояний начинает наблюдаться некоторое различие. В «Трудном времени» данные столкновения настолько доминируют над сутью произведения, что сам по себе сюжет становится сравнительно неважным, а комментарии автора имеют едва ли больший вес, чем расширенные сценические ремарки.

В «Отцах и детях», где сюжет более сложен, авторские замечания руководят тем, как читатель воспринимает развертывающиеся события, в то время как идеологические споры служат преимущественно для мотивации развития событий, что само по себе имеет мало общего с идеологией. Тем не менее, обе повести начинаются с похожего конфликта, который они к тому же и представляют весьма схожим образом.

С того момента, когда Павел Кирсанов впервые слышит слово «нигилист», и до последнего разговора Базарова с Одинцовой в 7-й главе, радикальный герой Тургенева периодически высказывает взгляды, которые никак не уживаются с идеей социального прогресса посредством постепенных реформ. Политическая риторика Базарова достаточно хорошо известна и не нуждается в основательном цитировании, однако два пассажа (оба из 10-й главы) особенно близки тем взглядам, которые предстоит излагать Рязанову в «Трудном времени». В первом пассаже Рязанов разделывается со словарем либерализма (как это выражает Павел Кирсанов): «Аристократия, либерализм, прогресс, принципы... – говорил между тем Базаров, – подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны»⁵. Во втором он излагает одно из наиболее часто повторяющихся обвинений против русских либералов – их неспособность к действию:

А потом мы догадались, что болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидели, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве... (245).

Похожий аргумент постулируется и в «Трудном времени», когда Рязанов объясняет жене Щетинина бесполезность читаемых ею прогрессистских статей:

Понимаете, что все равно вот, что вывески такие бывают, вот написано «Русская правда» или «Белый лебедь», ну, вы и пойдете белого лебедя искать? а там кабак. Для того чтобы читать эти книжки и понимать, нужен большой навык, – вставая, продолжал Рязанов, – на свежую голову, ежели взять ее в руки, так и в самом деле белый лебедь представится: и школы, и суды, и конституции, и проституции, и великая хартия вольностей, и черт знает что ... а как приглядишься к этому делу, – ну, и видишь, что все это ... продажа на вынос⁶.

Продолжая в том же ключе, Базаров говорит, что «в теперешнее время полезнее всего отрицание – мы отрицаем» (243), сперва нужно «место расчистить». Со своей стороны Рязанов пересказывает для Щетининой один из своих радикальных памфлетов: «Ежели ты хочешь строить храм, то прими заранее меры, дабы неприятельская кавалерия не сделала из него конюшни» (79). А когда Щетинина спрашивает, что же надо сделать, следует ответ: «... Остается выдумать, создать новую жизнь, а до тех пор... Он махнул рукой».

Манера изложения Рязанова может быть более приземленной, нежели у Базарова, но идеи он выражает те же. Однако несмотря на ярость, звучащую в речах Базарова по поводу пустых разговоров, ни тот, ни другой радикал не выходит за границы риторики разочарования и неудовлетворенности.

Тем не менее, несмотря на общую риторику последующее развитие событий свидетельствует о фундаментальном различии между двумя романами. Тургенев, насколько можно судить, не столь интересуется нигилистом Базаровым (как продуктом определенной идеологии), сколько Базаровым бунтарем-романтиком. Так, идеологический элемент начинает ослабевать уже к середине «Отцов и детей», и тут становится ясно, что радикальные идеи Базарова не столько определяют его действия, сколько создают для него некое изолированное положение, из которого ему удобнее бросать вызов установившемуся в мире порядку вещей. Тургенев снабдил своего героя набором расхожих политических взглядов того времени только для того, чтобы подвести его к конфликту между его «бездонным» эго и принятым им «знаком смерти», возникающей из той агрессивной настырности, с которой Базаров пытается проникнуть в суть природы посредством некоей разновидности научного материализма. Если в процессе этого вызова Базаров утрачивает ощущение единения с природой (сцена с талисманом), Тургенев обеспечивает «окончательное примирение», которое само по себе основывается на романтическом взгляде – единстве человека и природы – или стремлении к таковому единству:

Какое бы странное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...

Эти строки, несомненно, навеяны Уордсвортом.

Указание на то, что нигилизм Базарова – одна из составляющих его романтического образа, обнаруживается в словах самого Тургенева, особенно в его заметках, предваряющих повесть «Новь» (1877). Он пишет о «романтиках реализма», которые «тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу. Они ищут в реальном не поэзии – это им смешно, но нечто великое и значительное, – а это вздор: настоящая жизнь

прозаична и должна быть такою». Охарактеризовав этот тип в качестве пророка, терзаемого и мучимого, Тургенев продолжает: «Оттого я и в Базарова внес частицу этого романтизма, что заметил один Писарев» (XII: 314)⁷.

Ссылка на главного героя как на романтика или реалиста представляет собой самое точное и определенное указание на то, как относится в Базарове вера в материализм с романтическим духом, вдохновляющим его поведение. Однако этот дух четко определен и в самом романе, в частности, использованием Базаровым таких «словечек», как «романтик» и «романтизм». Так, в 4-й главе он говорит о старшем Кирсанове: «Эти старые романтики! Разовьют в себе нервную систему до раздражения. Ну, равновесие и нарушено». А вот что он говорит Аркадию о природе любви: «Ты проштудирай-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество. Пойдем лучше смотреть жука». А вот как комментирует автор спор в 10-й главе: «Эта последняя фраза, видимо, не понравилась Базарову; от нее веяло философией, то есть романтизмом, ибо Базаров и философию называл романтизмом...»

Представляя размышления Базарова по поводу Одинцовой, Тургенев пишет: «В разговорах с Анной Сергеевной он еще больше прежнего высказывал свое равнодушное презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе». Сам Базаров говорит Аркадию в 19-й главе:

По-моему, лучше камни бить на мостовой, чем позволить женщине завладеть хотя бы кончиком пальца. Это все... – Базаров чуть не произнес своего любимого словечка «романтизм», да удержался и сказал: – вздор (306).

Очень точно отмечает это обстоятельство Писарев, когда пишет в статье от 1862 года:

Преследуя романтизм, Базаров с невероятной подозрительностью ищет его там, где его никогда и не бывало. Вооружаясь против идеализма и разбивая его воздушные замки, он порою сам делается идеалистом (II: 27).

В самом деле, путь Базарова к самопознанию (и духовному кризису) связан именно с осознанием «романтика в самом себе», как бы презрительно он не реагировал на это явление.

Базаров, разумеется, не использует таких слов, как «романтизм» в узком литературном смысле. Как отмечал П.Г. Пустовойт, Тургенев в своих критических высказываниях часто использовал слова «ро-

мантиком» и «романтизм» применительно в романтическому настрою, а не к романтизму как литературному методу⁸. Но со структурной точки зрения эти две трактовки неразрывно связаны между собой: романтическая литература и романтический дискурс предлагают немало образцов для подобного романтического поведения⁹. По существу, подобный образец обозначен и в сочинениях самого Тургенева, предшествовавших «Отцам и детям». Так, касаясь перевода «Фауста» Вронченко («Отечественные записки», 1845, № 2), Тургенев в следующих выражениях описывает романтического героя:

Он становится центром окружающего мира; он... не предается ничему; он все заставляет себе предаваться; он живет сердцем, но одиноким, своим, не чужим сердцем, даже в любви, о которой он так много мечтает; он романтик, – романтизм есть ни что иное, как апофеоз личности. Он готов толковать об обществе, об общественных вопросах, о науке; но общество, так же как и наука, существуют для него – не он для них (I: 220).

Многое из этого описания без труда применимо и к Базарову: последнее предложение, в частности, напоминает его бурную вспышку против беспокойства о благополучии крестьян (уже на грани неминуемой смерти!), в то время, как фраза про «апофеоз личности» указывает на один из главенствующих мотивов в характере Базарова. В 10-й главе Павел Петрович упоминает «почти сатанинскую гордыню» Базарова, а в 19-й главе Аркадий, отмечая «бездонную пропасть базаровского самолюбования» (304), спрашивает его, уж не считает ли он себя богом. Впрочем, независимо от трудностей определения типологии *homo romanticus*, цитируемый выше абзац указывает на то, что в своих комментариях по поводу «Фауста» Тургенев представил собственное определение романтического героя, нашедшее свое высшее воплощение в образе Базарова.

Однако этот тип героя встречается у Тургенева и много раньше – в частности, в его стихотворной драме «Стено» (1837). Несмотря на все различия в сюжете и обстоятельствах, и Стено, и Базаров страдают от того же самого духовного недуга – осознания собственной огромной силы, сопряженной с ощущением одиночества и беспомощности перед лицом необъятности природы. Вот что говорит Стено в первом акте: «Рим прошел ... и мы исчезнем также, не оставляя ничего за нами. Что значит жизнь? Что значит смерть? Тебя я, небо вопрошаю, но молчишь ты, ясное в величии холодном» (I: 370). Подобные риторические пассажи встречаются на

протяжении всей пьесы: Стено говорит об утрате веры, о незначительности человека, и намекает на возможность обретения мира и согласия лишь в смерти. Во втором действии Тургенев характеризует своего героя словами монаха Антонио: «Как много в нем сил! Как много страдания. В его лице Создатель показал нам пример терзаний, выпадающих на долю людей с могущественной душой, полагающихся на свои силы, идущих в одиночку на встречу с миром и принимающих его в свои объятия» (I: 391). (См. также описание Базарова в письме Тургенева Константину Случевскому: «...Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная – и все-таки обреченная на погибель» [«Письма». IV: 381].) А поскольку Стено являлся, по существу, перефразированным образом Манфреда (что Тургенев и сам с готовностью признавал), следовательно, и портрет Базарова во многом связан с байроновским вариантом европейского романтизма, особенно в своем представлении героя отчужденного и дерзкого.

Позднее Тургенев сам высмеивал свое юношеское увлечение Манфредом, как, впрочем, и пьесу, возникшую под влиянием этого увлечения. Однако его литературные труды свидетельствуют о том, что и в более поздний период он продолжал перерабатывать и адаптировать некоторые основополагающие принципы и средства выражения, присущие ему в юности. Можно утверждать, что Тургенев достаточно далеко отошел от своего раннего (и в немалой степени производного) романтизма, чтобы быть в состоянии судить о нем в «Отцах и детях». Однако немало высказываний в этом романе, особенно в заключительном абзаце, дают основания для утверждений, что отдельные элементы романтизма все еще составляли немаловажную часть его мироощущения. Как отмечал М. О. Гершензон, многое в поздних работах Тургенева было органически связано со «Стено»¹⁰, и образ Базарова следует считать свидетельством этой преемственности.

В свете подобных обстоятельств прошлой жизни можно допустить, что конфликт между Базаровым и Павлом Кирсановым был не столько проявлением антагонизма между либеральным идеалистом 40-х годов и радикалом-материалистом 60-х, сколько противостоянием двух «поколений» романтиков, причем представители обоих поколений являли собой вариации на тему романтизма, преобладав-

шего в 30–40-х годах¹¹. Этот общий элемент в образах Базарова и Кирсанова не получил достаточного признания, и это при том, что он прослеживается по всей значительной и разработанной системе параллелей, описывающих характеры героев и их судьбу. Каждый из них страстно отстаивает определенные принципы, отвлеченные идеи и идеалы (кстати, «материализм» Базарова столь же идеалистичен, сколько и либерализм Кирсанова). Но при всей их очевидной приверженности идеологическим постулатам, каждый из них приходит к мысли, что лично его жизнь бесцельна. Разумеется, выражается эта мысль героями по-разному: в случае с Кирсановым – это уход от активной жизни, в себя, а у Базарова – злое, вызывающее отставивание своих метафизических-нигилистических идей.

И в том, и в другом случае Тургенев основывает этот личностный кризис на страстной и безнадежной любви (что отражает его представления о непостижимой силе любви – любви недосягаемой, которая может привести единственное что к смерти). Для раздавленного страстной привязанностью к таинственной княгине «Р» (7 глава) Павла Кирсанова наступает период заката, отказа от всех былых надежд и честолюбивых замыслов. Его существование вполне укладывается в рамки романтического клише: «Дамы находили его очаровательным меланхоликом, но он не знался с дамами» (225). Как утверждает Базаров, он видит это клише насквозь. Узнав про жизненные обстоятельства Кирсанова по видимости от Аркадия, Базаров замечает: «И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудирай-ка анатомию глаза...» (226). Но история Кирсанова всего лишь прелюдия к стычке между Базаровым и Одинцовой, во время которой Тургенев наполняет это клише пафосом, соответствующим мысли своего героя. И Базаров, и Кирсанов по ходу романа умирают, но если заточенный в образный каземат своей фатальной страсти Кирсанов обречен на медленное умирание при жизни (см. последние строки 24-й главы), Базарову удается преодолеть разрушительную любовь благодаря силе своего бунтарства (что вызывает ассоциации с муками эгоцентричного романтика, образ которого был не слишком удачно реализован в «Стено»).

Итак, Тургенев изолирует Базарова и Павла Кирсанова в рамках исключительно субъективных, индивидуальных кризисов, которые имеют лишь самое малое касательство до идеологического спора

между двумя поколениями-оппонентами. По существу, вся ситуация с конфликтом поколений в «Отцах и детях» является собой вопрос отнюдь не решенный. Весьма распространено допущение, что уже само название произведения предполагает столкновение между отцами и их детьми, однако Кирсановы в конце романа мирятся, а взаимная привязанность Базарова и его родителей не подлежит даже сомнению. Более того, своего рода «худой мир» заключен и между Павлом Кирсановым и Базаровым – после дуэли, которая, несмотря на весь рационализм Базарова, в очередной раз выявляет романтическую подоплеку обоих героев. Каковым бы ни было изначальное противостояние (основанное, несомненно, на стереотипных ролях юноши, бунтующего против старших), именно сходство и близость между поколениями определяет основу взаимоотношений между тургеневскими «Отцами» и «детьми» (См. как кричит в конце 27 главы отец Базарова: «Возропщу, возропщу!»).

На самом деле неразрешимый конфликт романа, безусловно, между двумя сыновьями, причем его глубина и взрывоопасность усугубляется как раз тем, что конфликт этот не выражен в идеологических терминах. Аркадий, чьи политические взгляды «отбрасываются за ненадобностью» в самом начале повествования, представляет эдакий искренний тип сознания, который позволяет человеку принять свою естественную роль в семье и в продолжении своего биологического рода. Базаров, который отдает отчет в том, что его друг изменил своим былым принципам («Для нашей горькой, терпкой, бобыльей жизни ты не создан»), оставляет его предаваться банальным радостям семейной жизни, что еще более подчеркивает его собственную изоляцию (необходимую для его имиджа). Аркадий отказывается от прежних радикальных взглядов, чтобы превратить семейство в прибыльное предприятие, что лишний раз иллюстрирует утверждение Тургенева, выраженное в его письме Случевскому: «Вся моя повесть направлена против дворянства как передового класса» («Письма». IV: 380). Уход Аркадия и Кати в счастливую страну Аркадию во исполнение своих ролей героев пасторальной комедии оставляет романтического радикала Базарова наедине со своей трагической судьбой. Подобно Рудину, он запомнится своим присутствием на чужом, счастливом пиру. И так же как Рудин, не сможет найти своего места среди оседлых и не бунтующих.

По сравнению с тургеневским романтическим представлением о бунте подход к радикализму Слепцова можно назвать прозаичным. Конечно, романтические начала присущи и Рязанову, который, как и Базаров, бунтарь и жертва эмоций, вызывающих его *ressentiment* (*фр. злоба.* – *Прим. авт.*) – тот самый взмах руки. Однако за счет своей лаконичной повествовательной манеры Слепцов «усекает» это начало, чему весьма способствует и структура его повести, сводимая до уровня простейшего наброска: радикал-интеллигент Рязанов бежит из Петербурга от новой волны репрессий (1863) и оказывается в имении своего университетского приятеля, Щетинина, который уже женился, остынился и трудится над превращением себя в преуспевающего и высоконравственного, просветленного помещика. Между Рязановым и Щетининым происходит ряд споров, в ходе которых радикал пытается разрушить веру либерала в постепенный социальный прогресс, осуществляемый посредством реформ. Однако затем главный фокус повествования постепенно смещается к жене Щетинина.

Нигилистские взгляды Рязанова производят сильное впечатление на Щетинину, которая более не в состоянии мириться с беспомощным либерализмом своего мужа. Она решает отказаться от роли великолушной хозяйки и посвятить себя иному служению. Однако когда она обращается к Рязанову за эмоциональной и моральной поддержкой в исполнении этого решения, он отказывает ей. Отношения этой троицы напоминают отношения участников пресловутого *menage à trois*, в котором в один клубок сплетаются элементы и сексуальные, и идеологические. Рязанов отказывает ей и в ее сексуальных притязаниях, как и в предложении помочь ему в его лишь смутно обрисованной «радикальной» деятельности. Несмотря на это, Щетинина не меняет своего решения и уезжает в Петербург, где она намерена попытаться вступить в ряды «новых людей», – вопреки скептическому отношению к этой модной форме радикализма Рязанова (что перекликается с отношением Базарова к Ситникову и Кукшиной).

В конце повести нет ни победителей, ни проигравших: Щетинин ищет спасения в своей реформаторской деятельности, а его освобожденная жена отбывает в Петербург на поиск нового дела. Единственный трофей, который увозит с собой преданный отдаленной и плохо различимой революции Рязанов – сына местного священника,

вопреки воле отца преисполненного желания поступить в местную школу и пополнить тем самым ряды новых разночинцев. Таким образом, Слепцов хотя и проясняет отношения между своими героями, оставляет их при этом на пороге новых неопределенностей. Более того, данный литературный вариант его собственной нигилистической концепции не дает положительных ответов на поднимаемые в повести вопросы, наконец, нет тут даже намека на то, что его герои способны самостоятельно отыскать такие ответы. Тут не следует забывать, что в противоположность Тургеневу, Слепцов остается «верен» идеологическому конфликту, поставленному им в самом начале своей повести; мало того, он всячески избегает заострения внимания на романтическом облике своего героя-радикала именно для того, чтобы внимание читателя не фокусировалось на характерах в ущерб идеологии. Подобный подход чреват определенными последствиями не только для значимости главного героя, но и для развития всего повествования. В то время как роман Тургенева исследует личность Базарова и его судьбу, Слепцов сосредоточен на ответе радикалов на вызов «трудных времен»; таким образом, повесть Слепцова как бы продолжает рассказ на том самом месте, на котором Тургенев обрывает свой роман – на «Аркадии» русского либерального дворянства. В лице Щетинина Рязанов сталкивается не с Павлом Кирсановым, а со своим современником, либералом нового типа, практическим (по крайней мере, в собственной оценке), оптимистичным, готовым принять крестьянские реформы, которые, по его разумению, должны отвечать его собственным интересам. Вопрос, оставшийся без ответа, заключается в том, а ответят ли они этим интересам. И какую цену придется заплатить крестьянам, трудом которых этот «ответ» может быть куплен?

В коротком финальном пассаже, где проявляется его беспокойство по поводу социальных проблем, Тургенев замечает, что приспособление к реформам не будет беспроблемным, но тотчас добавляет к этому, что-де Кирсанов продолжает процветать. Этим интерес его к подобным проблемам и ограничивается, ибо проблемы эти не открывают перед ним новых возможностей для показа большей борьбы, которая только и интересует его. Базаров просто игнорирует новую роль великодушного помещика, исполняемую Аркадием, вовсе не пытаясь бросить ей вызов. Романтику-бунтарю нет дела до деталей или целей земельной реформы, и он не думает

вернуться, чтобы обвинить Аркадия в лицемерных отношениях с крестьянами – да он и не может вернуться. Его изоляция не может быть нарушена во имя того, что не зависит от конкретных соображений политического или идеологического характера.

В настоящем анализе сделана попытка рассмотреть роман «Отцы и дети» и, в частности, отношение между радикализмом и литературным архетипом, путем противопоставления романа с другим литературным произведением, где рассматриваются многие аналогичные проблемы. Было бы бессмысленно утверждать, что талантливый писатель Слепцов представил более точный, чем Тургенев, образ нигилиста как социальный феномен. Он написал роман, в котором отражены его собственные взгляды радикала и интеллектуала. Представив некую разновидность радикальной идеологии, характерной для 60-х годов XIX века, и при этом не пытаясь идеализировать поборников этих взглядов, Слепцов счастливо избежал того, что не удалось Чернышевскому, – его герои не превратились в ходульных апологетов упрощенной и утопичной теории.

Достижение Тургенева совсем иного рода, и идеология играет тут едва ли заметную роль. Его политические и философские взгляды, как и его двойственное отношение к Базарову, удостоились немалого внимания¹²; однако все усилия осмыслиТЬ «Отцов и детей» исключительно в терминах «либеральных категорий» или иной конкретной философской системы следует признать неадекватными. Как отмечалось выше, в письмах Тургенева во второй половине 60-х годов нередки упоминания посещавшей его депрессии и, хотя подобные ощущения отнюдь не редкость в его сочинениях, в одном из писем (к Фету) имеется указание на связь между его угнетенным настроением и раздражением по поводу молодых критиков, которые в ту пору главенствовали в «Современнике» и имели явное желание предать всех «стариков» забвению («Письма». IV: 125). И именно с помощью образа Базарова Тургенев, возможно, пытался найти точки соприкосновения с носителями того радикального духа, который так привлекал и отталкивал его одновременно.

Но эти попытки вернули Тургенева к тем проблемам, что занимали его на начальных этапах литературной карьеры: вызовы и страсти романтического героя и «апофеоз личности». Поэтому когда Антонович назвал Базарова «карикатурой», которая пытается имитировать демоническую и байроническую натуру, а Тургенев

пишет в письме Людвигу Питчу (Ludwig Pietsch): «я сделал этого парня слишком уж героически идеалистическим» («ich den ganzen Kerl viel zu heldenhaft-idealistic [читай, «романтическим». – Прим. авт.] aufgefasst habe») («Письма», VIII: 38), оба признают одно и то же, хотя с разных точек зрения. Это верно, что Базаров – не карикатура, но также верно и то, что Тургенев придал идеологические установки архетипическому герою-романтику, однако тотчас и затушевал их другими, литературными и метафизическими заботами, этому архетипу присущими. Парадокс заключается в том, однако, что именно романтическому нигилисту Тургенева, а не Слепцова, выпала участь воплотить в себе образ русского радикала. Впрочем, парадоксы такого рода абсолютно соответствуют сложнейшим взаимоотношениям между литературой и обществом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 тт. М.: АН СССР, 1960. ХХ (бк. 1). С. 337. Далее страницы указываются в тексте. – Прим. ред.
- 2 См.: *Пустовойт П. Г.* Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М.: МГУ, 1964. Особенно с. 179–188.
- 3 Писарев Д. И. Сочинения. В 4-х тт. М.: GIXL, 1956. Т. III. С. 462. Далее страницы указываются в тексте. – Прим. ред.
4. По поводу оценки литературной и политической деятельности Слепцова см. мою статью «Slepcov Redivivus in California Slavic Studies». Т. 9. Berkeley: Univ. of California Press, 1976. С. 27–70.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений. В 28 тт. М.–Л.: АН СССР. Т. VIII. С. 242. Далее страницы указываются в тексте. – Прим. ред.
6. Слепцов В. А. Сочинения. В 2-х тт. М.: GIXL, 1957. Т. II. С. 82. Далее страницы указываются в тексте. – Прим. ред.
7. Между тем, Писарев был не единственным, кто отметил наличие некоторых романтических черт в характере Базарова. Вот что пишет Максим Антонович в своем обзоре, озаглавленном «Асмодей нашего времени» («Современник», 1862, № 3): «Очевидно, что в своем герое г-н Тургенев желал показать натуру демоническую или байроническую, нечто вроде Гамлете, так сказать; но при этом он наделил его такими свойствами, что натура эта приобрела облик совершенно ординарный, даже вульгарный, во всяком случае, весьма далекий от демонизма». В следующей фразе Антонович и вовсе называет Базарова карикатурой. Но каким бы бесполковым не было описание Антоновича, важно, что он усматривает в Базарове романтика, хотя он явно не способен анализировать последствия собственных наблюдений, считая их малозначимыми. В своем обзоре романа «Отцы и дети» («Время», апрель, 1862) Н. Н. Страхов отвечает на обвинения Антоновича, цитируя его предыдущий

пассаж и добавляя: «Гамлет – демоническая натура! Вот уж где явно все мысли насчет Байрона и Шекспира перепутались. Хотя Тургенев и впрямь создал нечто вполне демоническое, то есть натуру, исполненную силой, хотя и не чистой силой». Статья Страхова проницательна и исполнена симпатии к Базарову, но и ему не удается развить тему значимости романтического (или «демонического») аспекта в характере Базарова. В последние годы российские ученые уделяли значительное внимание изучению романтизма и романтического наследия в русской литературе. См. такие сборники, как «Проблемы романтизма» под ред. Ю. Р. Фохта и др. (М.: «Искусство», 1967) и «К истории русского романтизма» под ред. Ю. В. Манна, И. Г. Непокоева, Ю. Р. Фохта (М.: «Наука», 1973). Иногда встречаются ссылки на романтические элементы в более поздних произведениях Тургенева (см. статью П. Г. Пустовойтой, ссылка ниже). Однако насколько можно судить, вопрос этот по существу и не рассматривался применительно к «Отцам и детям».

8. *Пустовойт П. Г.* Романтическое начало в творчестве Тургенева // Романтизм в славянских литературах. Ред. В. И. Кулешов и др. М.: МГУ, 1973. С. 259, 272.

9. Ю. В. Манн использует подобный структурный подход к романтизму в своей «Поэтике русского романтизма» (М.: «Наука», 1976). Выбрав в качестве своей основной структурной категории «художественный конфликт» (романтический конфликт) (15), он далее пишет: «Мы говорили, что романтический способ обработки социальной темы есть введение ее в романтический конфликт. Скажем точнее: романтический способ обработки социального заключается в том, что последнее становится мотивированкой отчуждения» (264).

10. Мечта и мысль И. С. Тургенева. Вступление Thomas G. Winner. Brown Univ. Slavic Reprint, 8; Providence, R. I.: Brown Univ. Press, 1970, 17. [перепечатка издания 1919 г.]

11. Ввиду того, что Тургенев посвятил «Отцов и детей» памяти Виссариона Белинского, стоит отметить, что вера Базарова в научный материализм созвучна взглядам Белинского, выраженным в его статье «Взгляд на русскую литературу в 1846 году». Советуя тем, кто интересуется высшими органами человека (сердце и мозг), изучать их физиологическую подоплеку, Белинский пишет: «Психология, не опирающаяся на физиологию, так же не состоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии. Современная наука не удовольствовалась и этим: химическим анализом хочет она проникнуть в таинственную лабораторию природы, а наблюдением над эмбрионом проследить физический процесс нравственного развития ...» *См.: Полное собрание сочинений. М.: АН СССР, 1956. Т. X. С. 26. Схожесть этого заявления с высказываниями Базарова указывает на то, что Базаров принадлежит к более раннему поколению и в интеллектуальном, и в литературном смысле. Вопрос о том, не послужил ли Белинский как радикал-романтик прообразом Базарова, находится вне рамок данной статьи, однако Иосиф Франк указывает в своей книге о юном Достоевском, что в 40-х годах духом романтизма были пронизаны все представления о социальных реформах и справедливости. См.: «Dostoevsky: The Seeds of Revolt», 1821–1849 («Достоевский: семена бунта»). Princeton: Princeton University Press, 1976. С. 73, 98–112. Интерес Белинского к романтизму как к литературной, интеллектуальной и духовной силе проявлен в значительном отрывке во второй из его «Статей о Пушкине».

12. См.: *Пустовойт П. Г.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети»; *Батюто А.* Тургенев-романист. Л.: «Наука», 1972; *Granjard H.* Ivan Tourgueniev et les courants politiques et sociaux de son temps. Paris: Institut d'études slaves, 1966; *Berlin Isaiah.* Fathers and Children: Turgenev and the Liberal Predicament. New York: Oxford Univ. Press, 1973.